

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: изучение человека в ситуации изменений

Марина Гусельцева

АННОТАЦИЯ Изменения человека и мира выступают сегодня предметом исследования разных социогуманитарных наук. В этих проблемно-ориентированных исследованиях дисциплинарные границы истории, антропологии, социологии, психологии довольно условны. Антропологический подход и этнографический метод вышли за пределы дисциплинарного пространства, сделавшись частью общенаучного инструментария. В современной психологии исследовательский интерес смещается от вопросов социализации и закономерностей развития человека в обществе к проблемам меняющейся идентичности, трансформации ценностей и жизненного мира человека, индивидуализации обучения, нормативности разнообразия, феноменологии самостроительства человека в мире. Этим обусловлено обращение психологии к антропологическому знанию, трансдисциплинарному подходу. В той степени, в какой психология осмысливает себя наукой о человеке, она использует сегодня антропологическую оптику. Проблема изменений человека и мира стала широко обсуждаться в антропологии в середине XX в. Сегодня эти дискуссии полезны для методологической рефлексии социогуманитарных наук. Изменения в наши дни охватывают не только человека и окружающий мир, но и исследовательскую методологию, организацию научного знания. На рубеже XX–XXI вв. кардинальные трансформации происходили в антропологии, которая от изучения традиционных обществ перешла к проблемам современности, идентичности, гендера, феминизма, социальных изменений, городских сообществ и т. п. Возникли новые прикладные и теоретические направления. Появилась антропология глобализации, образования, профессий, юриспруденции, медицины и т. д. Антропология современности — сфера трансдисциплинарных исследований, предметом которых является изменяющийся человек в изменяющемся мире, локальные и глобальные контексты развития, разнообразие стилей современной жизни, трансформация ценностей, культур и сообществ. В статье обсуждается методологическое и практическое значение антропологического знания, а также просветительский смысл антропологии в глобальном мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Методология, психология, антропология, антропологическое знание, человек и мир, современность, трансдисциплинарный подход.

DOI 10.22394/2078–838X-2021–3-76-86

Введение

Проблема изменений человека и мира довольно ярко представлена в современной психологической науке (Асмолов, 2018; Белинская, 2005; Гришина, 2019; Леонтьев, 2010), педагогике и политике образования (Вешнева & Сингатулин, 2016). Между тем в контексте антропологии эта тема стала обсуждаться гораздо раньше, а именно в 1950–1960-е гг. (Augé, 2006; Bunzl, 2005; Eriksen & Nielsen, 2013; Lévi-Strauss, 2008). Более того, эти дискуссии и обновление исследовательской методологии предшествовали смене социально-политической парадигмы, манифестировавшей в известных молодежных движениях 1960-х гг. (Курлански, 2008). «В социальных науках всегда есть основания подозревать, что существует тонкая, но точная связь

Марина Сергеевна
ГУСЕЛЬЦЕВА

д. псих. н., доцент, ведущий научный сотрудник
лаборатории психологии подростка
ФГБНУ «Психологический институт РАО»,
ведущий научный сотрудник Школы
антропологии будущего РАНХиГС
(119606, РФ, Москва, пр. Вернадского, 84).
E-mail: mguseltseva@mail.ru

между контекстуальной историей и дисциплинами, которые стремятся ее объяснить. Таким образом, интеллектуальная мода и смена парадигм часто обусловлены событиями, которые составляют внешнюю историю» (Augé, 2006). Обращаясь сегодня к истории антропологии XX в. (Barnard, 2004; Eriksen & Nielsen, 2013; Moore, 1999; Patterson, 2001), весьма поучительно

проследить, каким образом трансформировались не только теоретические представления или исследовательские подходы, но и антропологическая оптика как таковая. Что менялось в мире, определяя диапазон новых способов его видения? Каким образом методологические рефлексии и непреднамеренные действия исследователей подспудно изменяли мир? Феномен, некогда названный К. Джердженем «плодами психологического просвещения» (Джерджен, 2003), вполне может быть распространен и на работу антропологического просвещения. Цель статьи — обсудить возросшее методологическое, просветительское, прикладное и гуманитарное влияние антропологии в современном мире.

Антропология XX века: новые методологии

В конце XIX в. понимание человека и мира давали скорее такие науки, как биология и социология, история и философия. Однако в 1960-е гг. эту роль неожиданно приняла на себя антропология, именно от нее ждали глубоких размышлений о мире и человеке (Lévi-Strauss, 2008). Также в антропологии наиболее наглядно происходило переформатирование и методологическое обновление дисциплины. Так, антропологию второй половины XX в. отличала уникальная методологическая открытость. Уже в 1970-е гг., как показывают Т. Х. Эриксен и Ф. С. Нильсен, здесь удавалось совмещать углубленные полевые исследования с широким системным и историческим осмыслением полученных данных (Eriksen & Nielsen, 2013). Смешанные методы и методологии прижились в антропологии раньше, нежели в других социальных науках, таких как психология и социология (Гусельцева, 2014). Для антропологов все более очевидными становились глобальные изменения, которые происходили в середине XX в. и затрагивали разные сферы жизни: от эмансипации колонизированных народов до меняющейся повседневности домохозяйств, ценностей и картин мира. Именно в это время изменения стали осмысливаться как «неотъемлемая часть человеческого существования» (Eriksen & Nielsen, 2013, p. 108). Тогда же возникли и новые

методологии: так, господствовавшие в первую половину XX в. структурализм и функционализм уступили место предложенному Дж. Барнсом в 1954 г. *сетевому анализу* (Barnes, 1990) и *ситуационному анализу*, разработанному М. Глакманом (Gluckman, 2009). Эти инструменты антропологической методологии плодотворно используются и по сей день (Eriksen & Nielsen, 2013). Примечательно, что в российской психологической науке идеи сетевой и ситуационной методологии начали активно разрабатываться в постсоветский период ее развития (Гришина, 2012; Зеленкова, 2007). М. Г. Глакман (1911–1975), ставший основателем Манчестерской научной школы, одним из первых обнаружил, что локальные эффекты глобальных процессов в дальнейшем растворяются в сложных сетях социальных отношений, которые пребывают в непрерывном изменении, взаимно усиливая или, напротив, ослабляя друг на друга. Это наблюдение задало новый взгляд на изменения как таковые: привело к их осознанию в качестве непредсказуемого результата, складывающегося из множества индивидуальных, незначительных, зачастую незаметных для наблюдателя взаимодействий, относительно независимых как от детерминации сло-

В 1960-Е В АНТРОПОЛОГИИ НАИБОЛЕЕ НАГЛЯДНО ПРОИСХОДИЛО ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

жившихся социальных структур, так и от намеренных человеческих действий. Таким образом, в оптике нового взгляда человек и мир предстали как единый процесс непрекращающихся и всепроникающих изменений, протекавших в основном в фоновом режиме, латентно, и попадавших в поле зрения наблюдателя лишь в моменты манифестаций, переходов или кризисов. Т. Х. Эриксен и Ф. С. Нильсен подчеркивают важную роль Манчестерской научной школы «в переориентации британской антропологии от

интеграции — к процессу, от непрерывности — к изменениям» (Eriksen & Nielsen, 2013, p. 112).

Согласно утверждениям австрийского антрополога М. Бунцла, лишь немногие академические дисциплины претерпели тот концептуальный переворот, который характеризовал развитие американской антропологии в последние полвека. За это время интеллектуальное пространство преобразилось и полностью поменяло свой формат. Сравнительное и обобщающее изучение традиционных обществ и «первобытных» народов превратилось в исторические и локальные исследования глобального мира. В этом процессе «стойкий эмпиризм уступил место теоретической рефлексии, позитивизм — интерпретативным стратегиям, а поиск объективности — требованию субъективного учета» (Bunzl, 2005, p. 187). Все это ознаменовало серьезный категориальный сдвиг. Для части научного сообщества антропология перестала быть социальной наукой, а влилась в содружество гуманитарных наук (Bunzl, 2005).

При этом многие антропологи переживали происходящие трансформации как кризис антропологии (Hoebel et al., 1980; Kapferer & Smedal, 2001; Lévi-Strauss, 1961/2008; Marcus, 1998; Worsley, 1970). «Этот кризис, поразивший дисциплину в конце 1960-х гг., являлся в своей основе глубокой переориентацией профессии — переориентацией, которая за последние сорок лет сформировала сегодняшнюю антропологию» (Bunzl, 2005, p. 188). Однако спустя десятилетия то, что представлялось кризисом, стало уже выглядеть едва ли не как ее расцвет (Bunzl, 2005; Comaroff, 2010; Eriksen & Nielsen, 2013; Jebens & Kohl, 2011).

Методологический смысл кризиса в антропологии

В 1970 г. П. Уорсли опубликовал ставшую впоследствии знаменитой статью «Конец антропологии» (Worsley, 1970). Он полагал, что предметом антропологии являлись исключительно экзотические народы, а потому конец колониализма

вел к исчезновению этой науки: на ее место должна была прийти социология. Однако время вскоре показало, что он не прав. Б. Капферер¹ обращает внимание на то, что в разных регионах мира, особенно в Англии и в Норвегии, «сформировались сильные антропологические факультеты», а «антропология оказалась более успешной в выживании, чем социология» (Kapferer & Smedal, 2001). Тем не менее Б. Капферер усматривает для антропологии риск свестись сегодня к исследованиям культуры. Он также полагает, что нынешняя антропология переживает кризис, обусловленный ее отступлением от этнографии и тех философских вопросов, которые занимали антропологию XX в. (Ibid.).

Между тем постколониализм, постструктурализм и постмодернизм способствовали решительному методологическому обновлению в антропологии. Если 1970-е были «десятилетием приверженности», то 1980-е стали «веком сомнений», а в 1990-е гг. заново актуализировались стремления установить связь между антропологией и естественными науками (Eriksen & Nielsen, 2013, p. 171). 1980–1990-е гг. характеризовались «всепроницающим теоретическим эклектизмом» (Eriksen & Nielsen, 2013, p. 169). Постмодернизм предлагал «свободу от абстрактных систем и формальных моделей», сдерживавших «изобилие, креативность и юмор человеческой жизни», ставивших «научный ум выше реальных людей» (Там же). Согласно А. Н. Ямскову, наиболее ценный урок постмодернизма заключался в том, что возникло «критическое отношение к любому этнографическому тексту и «этнографическому факту» как несущим на себе печать личности того, кто их написал или описал» (Байбурин, 2005, с. 205).

Помимо этого, в антропологии усилились саморефлексивные тенденции (Clifford & Marcus, 1986; Hannerz, 2016), постмодернистская волна

¹ Брюс Капферер (р. 1940) — австралийский социальный антрополог, проводивший полевые исследования в Африке и Азии, ныне профессор антропологии университета Бергена. Его основные труды: «Power, process and transformation» (1987), «Legends of people, myths of state» (1998), «Kubrick, Nietzsche and Anthropology» (2014).

В РОССИИ ПРИСУТСТВУЮТ РАЗНЫЕ СОВРЕМЕННОСТИ, ЗДЕСЬ ПРЕДСТАВЛЕНЫ РАЗНЫЕ МИРЫ АНТРОПОЛОГИИ И НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ

принесла критику рациональности как формы логоцентризма и контроля. По свидетельству Г. Л. Мур, к концу XX в. появилось осознание невозможности единой антропологии, а статус научной теории сделался все более сомнительным. Теории превратились в наборы критических стратегий, содержащие анализ собственного местоположения, интересов и установок (Moore, 1999). «Неопределенность или амбивалентность стали стандартной чертой... интеллектуальной жизни в гуманитарных и социальных науках; хотя тенденции, представляющие более позитивистские взгляды, ищущие менее двусмысленные ответы на извечные вопросы антропологии, также усиливались» (Eriksen & Nielsen, 2013, p. 191).

Т. Х. Эриксен и Ф. С. Нильсен иронично замечают, что в эпоху постмодернизма «для индивидуалистов, как в антропологии, так и в других областях» настали счастливые дни: «каждый уважающий себя антрополог» создавал «личный аналитический набор инструментов», который невозможно было ни переработать, ни воспроизвести иначе как фрагментарно (Eriksen & Nielsen, 2013, p. 170). Согласно М. Бунцлу, в ходе этой методологической трансформации «антропологическое знание перестало фигурировать как результат экспериментальной проверки в полевых условиях, а вместо этого сделалось ситуативным продуктом интерпретационных и диалогических взаимодействий» (Bunzl, 2005, с. 190). В качестве особой картины мира постмодернизм выступил аналитической перспективой и эстетикой, которые описывали мир как изначально прерывистый и фрагментированный: разнообразие локальных и индивидуальных голосов, а не гегемония научных школ и идеологий. «Новизна в том, что касается антропологии, заключалась главным образом в рефлексивном акценте на стиле письма, в отказе от нейтрального и непозиционированного авторского голоса и (что наиболее важно) в применении рефлексивности к самой антропологии. После постмодернизма антропология больше не могла рассматривать себя как привилегированный дискурс с доступом к объективной истине об изучаемых ею народах» (Eriksen & Nielsen, 2013, p. 184). Антропология сделалась «режимом знания» (в смысле М. Фуко), «режимом видимости» (Ярская-Смирнова &

НЕПРЕХОДЯЩАЯ ФУНКЦИЯ АНТРОПОЛОГИИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОНА ПОДДЕРЖИВАЕТ В МИРЕ ОПРЕДЕЛЕННОЕ «ОПТИМАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ» В КАЧЕСТВЕ НЕОБХОДИМОГО УСЛОВИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Романов, 2009), отказалась от беспристрастного накопления знаний. «Сделалось общепризнанным, что информация, способная нанести изучаемому сообществу вред, не должна ему предоставляться. Однако более глубокая миссия антропологии — работать над тем, чтобы полученные знания могли быть полезны для тех, кто становится объектом исследования» (Hymes, 1972, p. 50).

В 1980-е гг. сформировалось новое исследовательское направление — антропология повседневности. К этому времени пространство антропологического знания уже наполнилось дискуссиями о модернизме и постмодернизме, обсуждением локальных и глобальных тенденций современности (Manganaro, 1990; Sass, 1992). Изменилось представление и о задачах антропологии: они формулировались не только как исследовательские и просветительские, но и как гуманитарные, социально-конструирующие (Eriksen, 2006). «Антропологи должны стать... педагогами, преподающими культурное разнообразие. Их задача — способствовать развитию... любознательности и терпимости по отношению к «другому» (Абелес, 2005, с. 73–74).

Важной темой антропологических исследований рубежа XX–XXI вв. сделались исследования национализма. «По мере того как националистически мотивированные политические конфликты распространились по всему миру в течение 1990-х гг., антропологические исследования национализма казались все более актуальными» (Eriksen & Nielsen, 2013, p. 190). При этом Т. Х. Эриксен и Ф. С. Нильсен отмечают, что периферийные и маргинальные

темы социогуманитарных наук в дальнейшем становились наиболее значимыми и трансдисциплинарными.

Гуманитарная миссия и прикладное значение антропологии

К концу XX в. антропология как метод исследования и средство выявления социальных проблем окончательно вышла за свои дисциплинарные пределы. Современная антропология изучает социокультурную динамику, текущие изменения человека и сообществ, общества и культуры. Существенно расширились прикладные области антропологии и антропологические практики: от биологии до психологии, от медицины до юриспруденции, от религии до педагогики.

На рубеже XX–XXI вв. появились *новые направления антропологии*: юридическая антропология, антропология права (проводящие экспертизу изменений, вносимых в законодательство, и просчитывающие риски возможных последствий на основе анализа культурно-исторического контекста) (Бочаров, 2013; Рулан, 2000); медицинская антропология, антропология здоровья (изучающие отношение к телу, болезням и способам их лечения в разных сообществах) (Харитоновна, 2011; Wiley & Allen, 2008); визуальная и цифровая антропологии, антропологии спорта, рекламы, медиа, бюрократии, сексуальности, моды, жилища, питания; антропология биотехнологий и антропология науки, этнография научных сообществ (science studies) (Панченко, 2012; Latour, 1986); гендерная антропология (рассматривающая широкий круг проблем пола и статуса, власти и угнетения, маскулинности и феминности, тела и идентичности, супружества и профессиональной самореализации) (Бутовская, 2013; Mascia-Lees & Black, 2000); политическая антропология, антропологии профессий, организаций и социальных изменений (Крамер & Браун, 2018; Eriksen, 2016; Hannerz, 2016).

Психологическая антропология изучает культуру, выраженную в поведении, мышлении, восприятии и других субъективных процессах человека. Новые исследовательские направления — психология современности, изменений, повседневности, — расширяя проблемное поле, рассматривают не только трансформации человека, но и изменения, происходящие в мире, тем самым явно или неявно устремляясь к антропологии. Так, современная российская психология развивает ситуационные и контекстуальные подходы (Гришина, 2012; Гришина & Костромина, 2017), обращается к анализу транзитивного общества, сближается в поисках нового методологического инструментария с искусствоведением, этнографией и антропологией глобализации (Марцинковская, 2016; Хорошилов,

2017; и др.). Со своей стороны, антропология повседневной жизни, как и этнография современных социокультурных движений, раскрывает перед психологией новые горизонты. Если психология обращена к анализу субъективности человека, то антропология способствует раскрытию его индивидуальности в меняющихся и разнообразных контекстах, включенных в локальные и глобальные течения культуры.

Просветительский смысл и гуманитарная миссия антропологии заключаются в том, что она «открывает окно в мир, где знакомое становится экзотическим, а экзотическое — знакомым» (Эриксен, 2014, с. 9). Антропология выступает как межкультурный переводчик — наука и практика, служащая взаимопониманию не только между странами и народами, но и между сообществами, социальными группами и отдельными людьми.

К. Леви-Стросс в статье 1961 г. назвал антропологию модной наукой, отмечая не только интерес образованной публики к книгам по антропологии, но и востребованность массовой аудиторией рассказов и фильмов о путешествиях (Lévi-Strauss, 2008). «В результате проблемы антропологии перестали быть делом специалистов; они стали непосредственной заботой каждого из нас» (Ibid., p. 39). По мнению

МИССИЯ АНТРОПОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ — ВЫСТУПАТЬ МЕЖКУЛЬТУРНЫМ ПЕРЕВОДЧИКОМ МЕЖДУ РАЗНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ И СООБЩЕСТВАМИ

К. Леви-Стросса, непреходящая функция антропологии заключается в том, что она поддерживает в мире определенное «оптимальное разнообразие» в качестве необходимого условия человеческого развития, а потому, если вдруг «расхождения между обществами и группами внутри обществ исчезнут, то лишь для того, чтобы появиться в других формах» (Ibid., p. 46). «Антропология всегда отличалась своей способностью объяснять и оправдывать те формы поведения, которые другие люди находили странными и не могли понять» (Ibid.). Ее миссия в мире — «расширять нынешний и всегда слишком узкий взгляд на человечество» (Ibid.).

Согласно М. Оже, «антропология — это прежде всего критический анализ местных этноцентризмов», ее ведущая тема — «напряжение между смыслом и свободой (социальным смыслом и индивидуальной свободой)», из этой антиномии проистекают «все модели социальной организации, от самых элементарных до самых сложных» (Augé, 2006).

В свою очередь, М. Бунцл выделяет четыре взаимосвязанные области, где антропология оказалась в фарватере перемен: эпистемологические, политические, текстуальные и дисциплинарные трансформации (Bunzl, 2005). На социальных и психологических последствиях *эпистемологического поворота* в антропологии довольно детально останавливается Б. Капферер (Kapferer & Smedal, 2001). Во-первых, антропология воспитывает «способность вообразить другой способ восприятия реальности» (Ibid.). Во-вторых, *конструктивистский поворот* — осознание жизненного мира человека как сконструированных реальностей — делает востребованным в социальных науках этнографический метод. «Вместо того чтобы уклоняться от кропотливой работы, антропологи должны настаивать на том, чтобы проникнуть в самую суть процессов строительства человека» (Ibid.). Наконец, суть антропологии в том, что она открывает новые горизонты, новые возможности, выводит за рамки привычной работы мышления.

Важное место в современности занимает политическая функция антропологии. Так, если в первой половине XX в. большинство антропологов «руководствовались релятивистской максимой невмешательства», то современная позиция исследователя сделалась более

радикальной в том смысле, что роль антрополога обсуждается «в явно активистских терминах» (Bunzl, 2005), от антропологических исследований требуются гуманность, ответственность, саморефлексивность, а также критика собственной позиции (Marcus & Fischer, 1986; Comaroff, 2010).

Текстуальный поворот принес переосмысление практик антропологического письма (Clifford & Marcus, 1986; Hannerz, 2016; Manganaro, 1990), а также содержал критику позитивизма. «Вопрос о письме не является ни случайным, ни второстепенным, — подчеркивает М. Оже. — Это сердце антропологической дисциплины» (Augé, 2006). Дело в том, что, описывая реальность, антрополог предъявляет ее другим, превращает в антропологический объект, который затем становится предметом обсуждения и сравнений. Антрополог систематизирует данные, которые в повседневной жизни «рассредоточенны и прерывисты» (Ibid.). Он выводит из разрозненных наблюдений и устанавливает связи, прежде не замечаемые его информантами. Гештальты, возникающие в антропологических текстах, зачастую «существуют в реальных обществах лишь виртуально» (Ibid.). Таким образом, антрополог выстраивает связность, на которую указывают факты, но при этом она продолжает оставаться индуктивной гипотезой. «Антрополог не переводит, он транспонирует»² (Ibid.). «Писать — это значит рассказывать», и в постколониальном контексте эти основания побудили многих наблюдателей «поставить под сомнение эпистемологический и этический статус дисциплины» (Ibid.).

Дисциплинарный поворот касался отнесения антропологии к сфере гуманитарных наук и дифференциации (прежде всего американской) антропологии на исследовательские поля: «отдельные дисциплины физической антропологии и археологии следовали разным траекториям, в то время как развитие лингвистической антропологии имело тенденцию к параллельному развитию с социокультурной антропологией» (Bunzl, 2005, p. 193). Все это в целом, согласно М. Бунцлу, стало «началом трансдисциплинарного поворота антропологии — поворота, который заново изобрел

2 «L'anthropologue ne traduit pas, il transpose» (Augé, 2006). Транспонировать — здесь: переносить из одной системы культуры/языка в другую.

эту дисциплину» (Ibid., p. 192). Приведем также важное высказывание Дж. Клиффорда из сборника «Написание культуры: политика и поэтика этнографии» (1986) о том, что подлинная междисциплинарность не ограничивается преодолением дисциплинарных границ: «чтобы заниматься чем-либо междисциплинарным, недостаточно выбрать «предмет» (тему) и сгруппировать вокруг него две-три науки; междисциплинарность заключается в создании нового объекта, который никому не принадлежит».

Антропология современности

Актуальность антропологии современности обусловлена как методологическим обновлением социогуманитарных наук, так и трансформационными процессами, которые происходят в России. Востребованности здесь антропологического знания добавляет и тот факт, что «...культурно и социально единой России не существует в принципе ... Есть Россия Москвы и Подмосковья ... Азиатская Россия весьма отлична от Центральной, так же, как обе последние обладают спецификой по отношению к Югу или Северо-Западу» (Байбурин, 2005, с. 132). Наряду с тем, что в России присутствуют разные современности, здесь представлены разные миры антропологии и научных сообществ. Так, например, одна антропология (в форме постсоветской этнографии) консервирует состояние науки и общества 1960–1990-х гг., охраняя свой жизненный мир посредством непроницаемых границ дисциплины, тогда как другая антропология (как правило, ассоциирующая себя с трансдисциплинарными исследованиями и социогуманитарными науками) смотрит в современность широко открытыми глазами. Ученые в России,

как и обыватели, разделились сегодня на тех, кто продолжает держаться за виртуальные границы, и тех, кто живет в открытом и глобальном мире: в этом смысле «все сообщества в той или иной степени — воображаемые» (Там же, с. 86). Между тем современная антропология предполагает критическую рефлексию жизни своего собственного общества, практикуя внешний взгляд на реальность, в которой сам исследователь укоренен, одновременно занимая позицию «включенного наблюдателя». Позиция осознанной отстраненности «интеллектуально честна, стратегически полезна и антропологически плодотворна» (Augé, 2006), однако ее продуктивность зиждется именно на осознанности и саморефлексивности. Антропологический взгляд воспитывает привычку не только смотреть на свое как на чужое, а на чужое как на знакомое, но и видеть мир с различных позиций и точек зрения. «Антропология может предлагать косые и ис-

ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ АНТРОПОЛОГИИ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ОСОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА КАК ВЗАИМОСВЯЗАННОГО, НО РАЗНООБРАЗНОГО ЦЕЛОГО

каженные, неожиданные и наводящие на размышления точки зрения на явно заурядные и приземленные вопросы» (Eriksen, 2006, p. 28). Более того, взгляд антрополога замечает пресловутого голого короля из сказки Г. Х. Андерсена: «Довольно часто человек, указывающий на то, что император действительно обнажен, должен быть антропологом» (Ibid., p. 38). Антропология воспитывает понимание культурной сложности, стремясь заронить сомнение относительно того, что представляется самоочевидным (Эриксен, 2014). Также важно, что в век высоких скоростей, переполненного событиями и «перегретого мира» антропологи остаются «проводниками неторопливого взгляда на вещи», предлагая более тонкие способы коммуникации, чем те, что распространены в неотрефлексированной повседневности (Eriksen, 2016). Таким образом, миссия антропологии в современном мире — выступать межкультурным переводчиком между разными обществами и сообществами, а ее новую форму организации Т. Эриксен видит как «космополитичную

3 Заметим, что во французской этнологии 1950–1960-х гг. это размежевание происходило как дифференциация на сферы экстренной этнографии, изучающей исчезающие культуры, структурную антропологию К. Леви-Стросса и антропологию текущих изменений, связанную с именем Ж. Баландьё (Augé, 2006).

глобальную дисциплину без границ» (Эриксен, 2014, с. 8). Согласно шведскому антропологу У. Ханнерцу (p. 1942), гуманитарная миссия антропологии заключается в осознании человечества как взаимосвязанного, но разнообразного целого (Hannerz, 2016). В свою очередь, А. А. Тишкин поднимает важную тему применения этнографических и антропологических знаний в сфере образовательной политики и просвещения: «этнология и антропология должны преподаваться во всех без исключения высших учебных заведениях, где есть гуманитарные специальности», эти дисциплины особенно важны для чиновников и руководителей, и дело не только в расширении их кругозора и повышении качества управленческих решений, но и в снижении рисков неадекватности осознания культурно-психологических проблем, касающихся миграции, диаспор, социальных взаимодействий и т. п. (Байбурин, 2005, с. 141). В контексте антропологии современности также ширятся исследования политического насилия, растет интерес к вопросам прав человека (Mitchell & Wilson, 2003).

Заключение

В трансдисциплинарных исследованиях современной науки все труднее провести грань между психологическим, социологическим или антропологическим знанием. Антропология сегодня представлена разнообразием исследований человека в диапазоне от биологических и археологических до философских и социогуманитарных. Современная антропология — это наука о разнообразии человеческого бытия, о человеке в глобальных и локальных контекстах, о человеке в мире и мире в человеке⁴, об индивидуумах и сообществах, претерпевающих изменения. Антропология — это наука о другом (похожем и отличающемся) человеке, а также о человеке, который эволюционировал в истории и меняется на наших глазах в своей повседневной жизни. Антропологическая оптика в психологии помогает сфокусировать взгляд на

4 Ср.: «На смену образу социума, вбирающего в себя разных личностей, приходит образ личности, вбирающей в себя разные социумы» (Леонтьев, 2010, с. 122).

привычном как необычном, своем — как странным, чужом — как близком. Помимо этого, этнографические зарисовки помогают охватить целостную жизнь человека в динамике его повседневности. Зачастую антропологическое просвещение латентно проникает в публичную сферу, производя там невидимую работу социализации и гуманизации повседневной жизни. Особенно показательна в этом плане Норвегия, где антропология широко представлена в публичном пространстве, а антропологическая экспертиза востребована при решении самых разных проблем (Eriksen, 2006). В идеальном мире, полагает Т. Х. Эриксен, «каждый прошел бы несколько курсов антропологии», ибо это столь же важный инструмент в понимании современного мира, как изучение Платона и Канта для познания человеческой природы (Ibid., 2006, p. 27). Методологический, гуманитарный, просвещенческий ресурсы антропологии крайне необходимы сегодня для развития и модернизации российских психологии, педагогики и образования. Антропологические практики также снижают риски межкультурной коммуникации и перенапряжения (overheating) в социальном и политическом пространстве. Изучение антропологии в общеобразовательной школе явилось бы лучшей профилактикой ханженства, нетерпимости и ксенофобии, нежели лобовые воспитательные программы, которые, в силу особенностей подросткового мировосприятия, редко достигают ожидаемого эффекта. В то время как антропологическое знание, подаваясь живо и увлекательно, непридуманно и без избыточной назидательности, воздействует косвенным образом, но более глубоко и фундаментально. Антропологические знания и практики воспитывают герменевтические способности и открытое планетарное сознание, учат принимать иные ценности и образы жизни как данность современного мироустройства, помогают видеть мир с позиции другого взгляда и многих перспектив, выявляют в, казалось бы, очевидных вещах более тонкие и сложные смыслы, приучают подвергать сомнению собственные идеи и представления, наконец, вскрывая зоны умолчания и естественной слепоты в своей культуре, делают жизнь более осознанной и ответственной.

Литература

Абелес, М. (2005). Об антропологии во Франции. *Этнографическое обозрение*, 2, 69–74.

Асмолов, А. (Ред.). (2018). *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен*. М.: Издательский Дом ЯСК.

Байбурин, А. (Ред.). (2005). Специальный выпуск к VI конгрессу этнографов и антропологов. *Антропологический форум*, 6–220. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Белинская, Е. П. (2005). *Человек в изменяющемся мире — социально-психологическая перспектива*. М.: Прометей.

Бочаров, В. В. (2013). *Неписанный закон: Антропология права*. Санкт-Петербург: АИК.

Бутовская, М. Л. (2013). *Антропология пола*. Фрязино: Век 2.

Вешнева, И. В., & Сингатулин, Р. А. (2016). Трансформация образования: тенденции, перспективы. *Высшее образование в России*, 2(198), 142–147.

Гришина, Н. В. (2012). Ситуационный подход и его эмпирические приложения. *Психологические исследования*, 5(24), 2. Получено из: <http://psystudy.ru>.

Гришина, Н. В., & Костромина, С. Н. (2017). Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности. *Психологические исследования*, 10(52), 1. Получено из: <http://psystudy.ru>.

Гришина, Н. В. (Ред.). (2019). *Психология личности: Пребывание в изменении*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета.

Гусельцева, М. С. (2014). Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности. *Психологические исследования*, 7(36), 5. Получено из: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva36.html>.

Гусельцева, М. С. (2021). Антропология как наука о человеке: традиции и современность. *Образовательная политика*, 2, 108–119.

Джерджен, К. (2003). *Социальный конструкционизм: знание и практика*. Минск: Белорусский государственный университет.

Зеленкова, Т. В. (2007). О сетевой парадигме в психологии. *Методология и история психологии*, 2(3), 18–28.

Крамер, И., Браун, Д. (2018). *Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера*. М.: Альпина Паблишер.

Курлански, М. (2008). *1968 год, который потряс мир*. М.: АСТ.

Леонтьев, Д. А. (2010). Личность в непредсказуемом мире. *Методология и история психологии*, 5(3), 120–140.

Панченко, А. (2012). «Антропологический поворот» и «этнография науки». *Новое литературное обозрение*, 1(113). Получено из https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18498/.

Рулан, Н. (2000). *Юридическая антропология*. М.: НОРМА.

Харитоновна, В. И. (2011). Медицинская антропология в России и на Западе. *Этнографическое обозрение*, 3, 3–10.

Хорошилов, Д. А. (2017). Археология повседневности и социальное познание. *Психологические исследования*, 10(54), 6. Получено из: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1455-khoroshilov54.html>.

Эриксен, Т. Х. (2014). *Что такое антропология?* М.: ИД ВШЭ.

Ярская-Смирнова, Е., Романов, П. (Ред.). (2009). *Визуальная антропология: настройка оптики*. М.: Вариант.

Augé, M. (2006). *Le métier d'anthropologue. Sens et liberté*. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20110720215755/http://cmb.ehess.fr/document192.html>.

Barnard, A. (2004). *History and Theory in Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Barnes, J. A. (1990). *Models and Interpretations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bunzl, M. (2005). Anthropology Beyond Crisis. *Anthropology and Humanism*, 30(2), 187–195.

Clifford, J., & Marcus, G. (1986). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press.

Comaroff, J. (2010). The End of Anthropology, Again: On the Future of an In/ Discipline. *American Anthropologist*, 112 (4), 524–538.

Eriksen, T. H. (2006). Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence. Oxford: Berg.

Eriksen, T. H. (2016). *Overheating. An Anthropology of Accelerated Change*. L.: Pluto Press.

Eriksen, T. H., & Nielsen, F. S. (2013). *A History of Anthropology* (2-nd ed.). L.: Pluto Press.

Gluckman, M. (2009). *In and Out of the West: Reconstructing Anthropology*. L.: Verso.

Hannerz, U. (2010). *Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline*. L.: Pluto Press.

Hannerz, U. (2016). *Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios*. N.Y.: Palgrave Macmillan.

Hoebel, E. A., Currier, R. L., & Kaiser, S. (1980). *Crisis in anthropology: view from Spring Hill*. N.Y.: Garland Pub.

Hymes, D. (1972). The Uses of Anthropology: Critical, Political, Personal. D. Hymes. (Ed.). *Reinventing Anthropology*, 3–79. N.Y.: Random House.

Jebens, H., & Kohl, K.-H. (2011). *The End of Anthropology?* Wantage: Sean Kingston Publishing.

Kapferer, B., & Smedal, O. H. (2001). Bruce Kapferer — An interview. Part Two: Thinking about anthropology. Antropolog Nytt, 1. Retrieved from http://www.anthrobase.com/Txt/S/Smedal_Kapferer_01.htm.

Latour, B., & Woolgar, S. (1986). *Laboratory life: the construction of scientific facts*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Lévi-Strauss, C. (2008). Today's crisis in anthropology. *The UNESCO Courier*, 5, 39–46.

Manganaro, M. (1990). *Modernist Anthropology: From Fieldwork to Text*. Princeton: Princeton University Press.

Marcus, G. E. (1998). *Ethnography through thick and thin*. Princeton. N.Y.: Princeton University Press.

Marcus, G., & Fischer, M. (1986). *Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences*. Chicago: University of Chicago Press.

Mascia-Lees, F. E., & Black, N. J. (2000). *Gender and anthropology*. Prospect Heights, IL: Waveland Press.

Mitchell, J. P., & Wilson, R. A. (Eds.). (2003). *Human Rights in Global Perspective. Anthropological Studies of Rights, Claims and Entitlements*. L.; N.Y.: Routledge.

Moore, H. L. (Ed.). (1999). *Anthropological Theory Today*. Malden, MA: Polity Press.

Patterson, T. C. (2001). *A Social History of Anthropology in the United States*. Oxford; New York: Berg Publishers.

Sass, L. (1992). *Madness and Modernism: Insanity in the Light of Modern Art, Literature, and Thought*. N.Y.: BasicBooks.

Wiley, A. S., & Allen, J. S. (2008). *Medical anthropology: a biocultural approach*. Oxford: Oxford University Press.

Worsley, P. (1970). *The end of anthropology. Transactions of the Sixth World Congress of Sociology* (Vol. 3, pp. 121–129). Geneva: International Sociology Association.

Methodological meaning of anthropological knowledge: a man in a situation of change

Marina S. GUSELTSEVA.
Sc.D. (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Psychology of the Adolescent, Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadskogo pr., 119606, Moscow, Russian Federation). E-mail: mguseltseva@mail.ru

Abstract

Changes in man and the world are today the subject of research in various socio-humanitarian sciences. In these problem-oriented studies, the disciplinary boundaries of history, anthropology, sociology, psychology are rather arbitrary. The anthropological approach and ethnographic method go beyond the disciplinary space, becoming part of the general scientific cognitive toolkit. In modern psychology, the emphasis is shifting from the issues of socialization and the laws of human development in society to the problems of changing identity, the transformation of values and the human life world, the individualization of learning, the normality of diversity and the significance of self-construction. This explains the appeal of psychology to anthropological knowledge, general scientific methodology, and a transdisciplinary approach. To the extent that psychology comprehends itself as the science of man, it uses anthropological optics today. In addition, the problem of changes in man and the world began to be discussed in anthropology much earlier - in the middle of the 20th century. Today, these discussions are useful for the methodological self-reflection of psychology and other sciences. Nowadays, changes cover not only a person and the world around him, but also research methodology, the organization of knowledge. At the turn of the XX-XXI centuries cardinal changes took place in anthropology, which from the study of traditional and exotic societies moved on to the problems of modernity, everyday life, identity, gender, current transformations, urban communities, etc. New applied and theoretical directions emerged in it - legal

anthropology, medical anthropology, anthropology of globalization, anthropology of education, anthropology of professions, visual anthropology, etc. Anthropology of our time is a field of transdisciplinary research, the subject of which is a changing person in a changing world, local and global contexts of his development, a variety of lifestyles, the transformation of values, cultures and communities. The article discusses the methodological and practical significance of anthropological knowledge, as well as the enlightenment meaning of anthropology in modern life.

Keywords: methodology, psychology, anthropology, anthropological knowledge, man and the world, modernity, transdisciplinary approach

References

Abélès M. (2005). On Anthropology in France. *Ethnographic Review*, 2, 69–74. (In Russian).

Asmolv, A. G. (Ed). (2018). *Mobilis in mobili: personality in an era of change*. Moscow: Publishing House YASK. (In Russian).

Augé, M. (2006). *Le métier d'anthropologue. Sens et liberté*. Retrieved from <https://web.archive.org/web/20110720215755/http://cmb.ehess.fr/document192.html>.

Baiburin, A. (Ed.). (2005). Special issue for the VI Congress of Ethnographers and Anthropologists. *Anthropological Forum* (pp. 6–220). St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).

Barnard, A. (2004). *History and Theory in Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Barnes, J. A. (1990). *Models and Interpretations*. Cambridge: Cambridge University Press.

Belinskaya, E. P. (2005). A person in a changing world is a socio-psychological perspective. Moscow: Prometey. (In Russian).

Bunzl, M. (2005). Anthropology Beyond Crisis. *Anthropology and Humanism*, 30(2), 187–195.

Bocharov, V. V. (2013). *The Unwritten Law: The Anthropology of Law*. Saint Petersburg : AIK. (In Russian).

Butovskaya, M. L. (2013). *The anthropology of gender*. Russia, Fryazino: Vek2. (In Russian).

Clifford, J., Marcus, G. (1986). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press.

Comaroff, J. (2010). The End of Anthropology, Again: On the Future of an In/ Discipline. *American Anthropologist*, 112 (4), 524–538.

Eriksen, T. H. (2006). *Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence*. Oxford: Berg.

Eriksen, T. H. (2014). *What is anthropology?* Moscow: HSE University.

Eriksen, T. H. (2016). *Overheating. An Anthropology of Accelerated Change*. L.: Pluto Press.

Eriksen, T. H., & Nielsen, F. S. (2013). *A History of Anthropology* (2-nd ed.). L.: Pluto Press.

Gergen, K. J. (2003). *Social Construction: Knowledge and Practice*. Minsk: Belarusian State University. (In Russian).

Gluckman, M. (2009). *In and Out of the West: Reconstructing Anthropology*. L.: Verso.

Grishina, N. V. (Пед.), (2019). *Personality psychology: Staying in change*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. (In Russian).

Grishina, N. V. (2012). Situational approach and its empirical applications. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 5(24), 2. Retrieved from <http://psystudy.ru>. (In Russian).

Grishina, N. V., & Kostromina, S. N. (2017). Personality Psychology: Rethinking Traditional Approaches in Context Challenges of Modern Reality. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 10(52), 1. Retrieved from <http://psystudy.ru>.

Guseltseva, M. S. (2021). Anthropology as the Science about a Person: Traditions and Modernity. *Education Policy*, 2, 108–119. DOI: 10.22394/2078–838X-2021–2-108-119. (In Russian).

Guseltseva, M. S. (2014). Mixed methods of research in the light of the ideal of postnonclassical rationality. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 7(36), 5. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n36/1016-guseltseva36.html>. (In Russian).

Hannerz, U. (2010). *Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline*. L.: Pluto Press.

Hannerz, U. (2016). *Writing Future Worlds: An Anthropologist Explores Global Scenarios*. N.Y.: Palgrave Macmillan.

Hoebel, E. A., Currier, R. L., & Kaiser, S. (1980). *Crisis in anthropology: view from Spring Hill*. N.Y.: Garland Pub.

Hymes, D. (1972). The Uses of Anthropology: Critical, Political, Personal. D. Hymes. (Ed.). *Reinventing Anthropology* (Pp. 3–79). N.Y.: Random House.

Jebens, H., & Kohl, K.-H. (2011). *The End of Anthropology?* Wantage: Sean Kingston Publishing.

Kapferer, B., & Smedal, O. H. (2001). Bruce Kapferer – An interview. Part Two: Thinking about anthropology. *Antropolog Nytt*, 1. Retrieved from http://www.anthrobase.com/Txt/S/Smedal_Kapferer_01.htm.

Kharitinova, V. I. (2011). Medical anthropology in Russia and in the West. *Ethnographic review*, 3, 3–10. (In Russian).

Khoroshilov, D. A. (2017). Archaeology of everyday life and social cognition. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 10(54), 6. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1455-khoroshilov54.html>. (In Russian).

Kramer, I., & Braun, D. (2018). *Corporate tribe. What an anthropologist can teach a top manager*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).

Kurlansky, M. (2008). 1968: *The Year that Rocked the World*. Moscow: AST. (In Russian).

Latour, B., & Woolgar, S. (1986). *Laboratory life: the construction of scientific facts*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Leontiev, D. A. (2010). A person in an unpredictable world. *Methodology and history of psychology*, 5(3), 120–140. (In Russian).

Lévi-Strauss, C. (2008). Today's crisis in anthropology. *The UNESCO Courier*, 5, 39-46.

Manganaro, M. (1990). *Modernist Anthropology: From Fieldwork to Text*. Princeton: Princeton University Press.

Marcus, G., & Fischer, M. (1986). *Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences*. Chicago: University of Chicago Press.

Marcus, G. E. (1998). *Ethnography through thick and thin*. Princeton. N.Y.: Princeton University Press.

Mascia-Lees, F. E., & Black, N. J. (2000). *Gender and anthropology*. Prospect Heights, IL: Waveland Press.

Mitchell, J. P., & Wilson, R. A. (Eds.), (2003). *Human Rights in Global Perspective. Anthropological Studies of Rights, Claims and Entitlements*. L.; N.Y.: Routledge.

Moore, H. L. (Ed.), (1999). *Anthropological Theory Today*. Malden, MA: Polity Press.

Panchenko, A. (2012). «Anthropological turn» and «Ethnography of science». *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 1(113). Retrieved from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/113_nlo_1_2012/article/18498/. (In Russian).

Patterson, T. C. (2001). *A Social History of Anthropology in the United States*. Oxford; New York: Berg Publishers.

Rulan, N. (2000). *Legal anthropology*. Moscow: NORMA. (In Russian).

Sass, L. (1992). *Madness and Modernism: Insanity in the Light of Modern Art, Literature, and Thought*. N.Y.: BasicBooks.

Veshneva, I. V., & Singatulin, R. A. (2016). Transformation of the education system: reasons, tendencies, perspectives. *Higher education in Russian*, 2(198), 142–147. (In Russian).

Wiley, A. S., & Allen, J. S. (2008). *Medical anthropology: a biocultural approach*. Oxford: Oxford University Press.

Worsley, P. (1970). *The end of anthropology. Transactions of the Sixth World Congress of Sociology* (Vol. 3, pp. 121–129). Geneva: International Sociology Association.

Yarskaya, E. R., & Romanov, P. V. (Eds.), (2009). *Visual Anthropology: Setting up Optics*. Moscow: Variant. (In Russian).

Zelenkova, T. V. (2007). About the Network Paradigm in Psychology. *Methodology and History of Psychology*, 2(3), 18–28. (In Russian).

